

Ни об одном из театров Сибири не довелось слышать столько легенд, как об Омском драматическом. И это рождало скепсис и желание развенчать упорно держащийся миф о стабильно высоком творческом тоне омичей, о преданности зрителей, не годами, а десятилетиями почитающих этот театр своим кумиром. Но когда попала я, наконец, в город на Иртыше, предубеждение довольно быстро уступило место любопытству и смелось уважением. Не было преувеличения в слухах, Легенды сказались правдой. И каждый новый приезд в Омск подтверждал это.

Возникло со временем ощущение родственной причастности иркутян к этому театру, некой гордости за то, что наши земляки внесли свою лепту в его славу: группа актеров с берегов Ангары там прописалась и не утратила положения ведущих. Владимир Гуркин, к примеру, который теперь и в новом качестве проявил себя, снимав комедией «Любовь и голуби» быструю известность на драматургическом поприще, а также Валерий Алексеев, Юрий Ицков и другие. Но это еще не все. Заметным театральным событием стали спектакли Валентина Распутина «Последний срок» и «Деньги для Марии» в постановке режиссера Владимира Симоновского и оформлении художника Юрия Суракевича, тоже в свое время работавших в Иркутске. Показанный затем по Центральному телевидению спектакль «Последний срок» принес поистине всесоюзное признание народной артистке РСФСР Елене Ивановне Псаревой, сыгравшей — нет, не игра тут была, а растворение в роли до абсолютной естественности — старуху Анну.

Кроме этих двух, десятка полтора спектаклей довелось мне увидеть за последние годы на омской сцене. Не берусь подводить к какому-то единому знаменателю весьма пеструю картину впечатлений, чтобы не канонизировать живой театр, который существует не вопреки, а вполне в согласии с общими законами и ес-

тественно, ставит не сплошь шедевры. Очень кстати здесь слово — живой, если понимать его не как индугенцию неудачам или, мягче, художественному несовершенству отдельных постановок, а как феномен конкретного театрального коллектива.

Существует ли феномен Омского драмати-

профессия, притом из разряда особо дефицитных). Но и при этом условии степень отдачи служившего деятеля искусства РСФСР Артура Хайкина, главного режиссера Омского театра, кажется исключительной.

Для меня феномен этого театра во многом определяется свойст-

главреж атакował участников Вероссийского семинара театральных критиков настоятельными просьбами без утайки выложить все претензии к спектаклям своего театра. Контингент внемлет явно заинтересованнее, чем похвалы. И вот тогда особенно ясно становится, что его любовь к актерам — не декларация, а подлинность, — любовь замечание к исполнителям, даже в их отсутствии прозвучавшее, А. Хайкин переадресовывал режиссуре, замыкая все на себя: «Актера нельзя обвинять в том, что он несовершенен. Именно мы ставим его в такие условия, когда он не в состоянии не только развивать свои возможности, но даже показать то, на что он способен».

Готовность услышать нелицеприятное суждение о своей работе для художника, пожалуй, лучшая панacea от самодовольства. Молодой одаренный режиссер Омского театра Г. Тростянецкий, судя по всему, разделяет в основных параметрах символ веры своего старшего коллеги.

И, безусловно, в понятии феномена Омского государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра входит существенной составной частью личность его бесспорного на протяжении многих лет директора — М. Ханжарова, чье имя само по себе уже стало театальной легендой, как, скажем, в Иркутске имена Осипа Волгина или Николая Загурского. Ему этот коллектив во многом обязан непоказной культурой и отлаженностью всех компонентов сложного и трудно подлющающегося регламентации театрального организма.

Любовь, не мной замечено, склонна и к преувеличению, и к идеализации. Радуюсь случая признаться, наконец, в ней, я, возможно, тоже не избежала этого греха. Но юмор и самоощущение у омичей, пришлось убедиться, на высоте. Не зазнаются.

В. ФИЛИПОВА,
заведующая литературной частью Иркутского драмтеатра им. Н. П. Охлопкова.

Восп. - Сиб. Иртыш. Иркутск
1984, 23 фев

Легенда оказалась правдой

ческого театра? Бесспорно. И недавнее присвоение ему звания академического — убедительное тому доказательство.

Однако, из чего он складывается, интересно разбираться. Не устанавливая причинно-следственной связи, подведем просто своими наблюдениями. Скажем, какое место в иерархии ценностей занимает то, что зрительный зал в Омском драмтеатре ежедневно полон, а у входа, как правило, спрашивают лишние билеты? Отсутствие «пропущенных» в партере само по себе рождает атмосферу праздника, и в Омске я ее всегда ощущаю. Или, что важнее — на редкость гармонично сформированная во всех поколениях труппа с целой плеядой мастеров, которые сделали бы часть любой столичной сцене, или многолетнее завидное «везение» этому театру на режиссеров?

Возможно, вопрос поставлен некорректно, как сказали бы ученые. Тогда с другой стороны подступимся. Вроде бы поглощенность театром, максимальная сосредоточенность на нем для главного режиссера — условие профессии (потому что художественный руководитель всегда не должность а

ми характера А. Хайкина, о которых сужу не гочаслышке. Его спектакли наступательны, иногда и чрезмерно. В них очевидно стремление вывести зрителя из состояния созерцательного покоя и умиротворенности, часто граничащих с равнодушием и бездумьем. Это одна из особенностей активности. А вторая (перечень можно продолжать) — открытие по инициативе А. Хайкина на базе Омского театра лаборатории режиссеров и драматургов Сибири и Дальнего Востока, цель которой помочь созданию проблемных современных пьес и сократить их путь к сцене. Тут Хайкин час следует своему предшественнику Я. Киржнеру, с легкой руки которого облетела театры страны драма омского автора Н. Анкилова «Солдатская вдова». А спектакль «Повею и пойду», который омичи привезли на фестивальныи просмотры, поставлен как раз по пьесе участника этой экспериментальной лаборатории красноярца Романа Солнцева. Иркутяне увидят среди его исполнителей народных артистов РСФСР Н. Чокишвили и А. Шеголева, лауреата Государственной премии СССР.

Приходилось ли вам встречать вратаря, который жаждал бы гола в свои ворота? Омский